

НАИМЕНОВАНИЯ МИМИКИ ЛИЦА КАК ИНФОРМАНТА ЭМОЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА “DREI KAMERADEN”)

Романова Н. В. Найменування міміки обличчя як інформанта емоцій (на прикладі роману Е. М. Ремарка “Drei Kameraden”). Стаття продовжує цикл публікацій авторки з питання вербалізації емоцій людини в німецькомовній культурі. Аналізується лексика, що позначає міміку обличчя у межах мовної картини світу Е. М. Ремарка. Запропоновано семантичну класифікацію міміки в психологічних термінах модальності переживання.

Ключові слова: емоція, обличчя, міміка, поведінка.

Романова Н. В. Наименования мимики лица как информанта эмоций (на примере романа Э. М. Ремарка “Drei Kameraden”). Статья продолжает цикл публикаций автора по вопросу вербализации эмоций человека в немецкоязычной культуре. Анализируется лексика, обозначающая мимику лица в рамках языковой картины мира Э. М. Ремарка. Предложено семантическую классификацию мимики в психологических терминах модальности переживания.

Ключевые слова: эмоция, лицо, мимика, поведение.

Romanova N. V. Name facial expression of emotions as an informant (on the basis of novel by E. M. Remarque “Three Comrades”). This article continues the series of publications of the author with questions verbalization of human emotions in German culture. The vocabulary denoting facial expression within the language world E. M. Remarque analyzes. A semantic classification of facial expressions in terms of the modalities of psychological distress.

Keywords: emotion, face, facial expression, behavior.

Эмоциональное состояние взрослого здорового человека, как известно, может проявляться вербально и невербально. Вербальное выражение эмоций реализуется через эквивалентные языковые единицы, невербальное – через экспрессию тела, которая усваивается в процессе воспитания и посредством мышечного подражания в рамках конкретной культуры общения [Бойко 2008, с. 43].

Несмотря на то, что идея невербального эмоционального поведения приобрела в зарубежной (И. Н. Горелов, Г. Е. Крейдлин, А. С. Петровская и др.) и отечественной (Д. Ю. Кузнецова, И. И. Серякова, Л. В. Солощук и др.) лингвистике определённую популярность, недостаточно изученными остаются немецкоязычные наименования мимики лица.

Цель статьи – исследовать номинацию мимики лица как информанта эмоционального состояния индивидуума в немецкой художественной прозе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**, а именно: 1) рассмотреть понятие «Gesicht» в современном немецком языке; 2) выделить лексику, обозначающую мимику лица в исследуемом материале; 3) классифицировать названия мимики глаз в психологических терминах модальности переживания.

В толковых словарях дефиниция «Gesicht» интерпретируется как полный омоним. При этом *Gesicht*¹ употребляется в 6 значениях, а *Gesicht*² – в одном значении. Полисемант обозначает: 1) переднюю структурированную часть головы (нос, рот и глаза); 2) мимику; 3) человека как живое существо; 4) метафору¹; 5) архаизм; 6) метафору² и функциональный стиль. Моносемант реализует явление, видение [Wahrig 2012, S. 417].

Как видим, *Gesicht*¹ включает в себя феномен телесного, эмоционального, биологического, стилистического, исторического, стилистически-функционального, *Gesicht*² – идеального, ментального.

В анализируемом художественном мире Э. М. Ремарка семантика *Gesicht*¹ воплощается уже с первых страниц *Der Gesang brach ab. Der Besen fiel zu Boden. Das selige Grinsen erlosch. Jetzt war ich das Gespenst. “Jesus Christus”, stammelte Mathilde und starrte mich aus roten Augen an. “Ihnen hab’ ich noch nicht erwartet...” // “Kann ich verstehen. Hat’s geschmeckt?” // “Das ja - aber’s is mir peinlich.” Sie wischte sich über den Mund. “Direkt platt bin ich...” // [...]. Ihr Schnurrbart zuckte, und ihre Augenlider klapperten wie bei einem alten Uhu* [Remarque 1991, S. 5-6]. Здесь создана эмоциональная картина, в которой преобладает негатив *peinlich, platt, Schnurrbart zuckte, Augenlider klapperten*. Этот негатив обусловлен не

столько количеством выпитого алкоголя (бутылка коньяка), сколько проступком пожилой женщины – воровство спиртного на рабочем месте. Что касается мимики лица, то она воплощается, с одной стороны, иерархически: улыбка *Grinsen*, сенсорика *Augen*, с другой – морфологически: рот *Mund*, усы *Schnurrbart*, веки *Augenlider*. Можно выделить позитивный эмоциональный процесс *Das selige Grinsen*, множественность негативного цвета глаз *roten Augen*, их надёжной защиты *Augenlider*, единичность ротовой полости *Mund* и волос (усы) *Schnurrbart*, вариативное (открытое) возрастное зооморфное сравнение *wie bei einem alten Uhu*. Кроме того, в описании варианта улыбки и уникального выражения лица используются метафорические сочетания *Ein Grinsen huschte über Mathildes verwirrte Züge* [Remarque 1991, S. 6]. Интересно, что глагол *huschte* расширяет своё значение: помимо скорости и плавности движения эта словоформа актуализирует и беззвучное сокращение скуловых и круговых мышц глаз. В языковом сознании улыбка связывается с её разновидностями: искренняя *Er lächelte über sein ganzes sommersprossiges Gesicht* [там же, S. 14], фальшивая (поддельная) *meinte der Bäckermeister mit schiefem Lächeln* [там же, S. 32], притворная *mit einem Lächeln zur Zimmerdecke, das niemand galt* [там же, S. 19]), гнусная *Er beantwortete ihn mit einem niederträchtigen Grinsen* [там же, S. 70], предупреждающая *Über sein großes Gesicht zog ein Lächeln wie ein lautloses Gewitter* [там же, S. 138], незаметная *Im Aufflammen seiner Zigarette sah ich ein schwaches Lächeln und ein Augenblinzeln* [там же, S. 139], странная *Er lächelte das sonderbare Lächeln, von dem man nie wusste, ob es nicht traurig war* [там же], заискивающая “*Ich*”, *sagte Bieling eilig mit einem schrecklich demütigen, erwartungsvollen Lächeln* [там же, S. 245], извиняющаяся *Er schüttelte den Kopf mit einem schwachen Lächeln, als wollte er um Entschuldigung bitten* [там же, S. 254], слабая “*Inventur*”, *erwiderte er mit einem matten Lächeln* [там же, S. 307], неживая *Es war ein gläsernes Lächeln* [там же, S. 345], несчастная *Ich zwang mich zu einem Lächeln* [там же, S. 376]; эмоцией радости; функциями мозга; морфологией лицевых мышц. Прилагательное *verwirrte* также претерпело изменение в семантическом плане: лексема актуализирует эмоциональный признак смущения, тогда как словарное значение связывается с эстетикой или когнитивной девиацией [Wahrig 2012, S. 1026].

Интенсивность эмоции радости проявляется через смех *Einen Augenblick lag sie in meinem Arm, ihr Atem streifte mein Gesicht, ich fühlte ihr Haar an meinem Mund – gleich darauf lachte sie wieder, und ich ließ sie los* [Remarque 1991, S. 72]. В приведённом примере смех возникает в процессе интимного общения. Такой смех предполагает симпатию между женщиной и мужчиной, служит маркером трансформации произвольных тактильных процессов в неизвестное раньше чувство, которое в самых общих словах можно назвать чувством психологического комфорта *Ich ließ sie los; aber etwas in mir ließ sie nicht los. Als wir längst draußen waren, fühlte ich immer noch ihre Schulter in meinem Arm, spürte das weiche Haar, den schwachen Pfirsichgeruch ihrer Haut –. Ich vermied, sie anzusehen. Sie war plötzlich anders geworden für mich* [там же].

Смех может отображать подозрительное отношение к сказанному *Gustav brach in ein ungläubiges Gelächter aus* [там же, S. 229]. Тем самым коммуникация становится доминирующим стимулом эмоционального состояния. Понятно, что данное состояние сопровождается когнитивными процессами. Сложность последних иллюстрирует один из диалогов между друзьями “*Wo hast du die bloß her, Otto?*” // *Köster lachte*. “*War eine verwickelte Sache. Zu lang zum Erzählen. Aber sag mal, wie fühlst du dich denn? Wie dreißig?*” [там же, S. 10]. Роберт интересуется происхождением щедрого подарка: 6 бутылок старинного рома. Но на поставленный вопрос Отто ответить не может *verwickelte Sache*, ему нужно время *Zu lang zum Erzählen*, чтобы установить взаимосвязь между напитком и днём рождения друга. У словоформы *lachte* наряду с эмоциональным появляется дополнительное значение: семема несёт экспрессивную нагрузку, которая обеспечивает семантический переход аффективного в рационально-оценочное.

Бросается в глаза смех женщин лёгкого поведения, которые, очевидно, испытывают обострённое чувство сопричастности к падению общественных нравов и принадлежности к нему сутенёров “*Wollen eins auf Arturs Wohl trinken.*” // *Rosa lachte*. “*Der Hurenbock soll*

leben! Prost!” [Remarque 1991, S. 87]. В данном случае смех имеет важное социальное значение, ибо формирует шкалу самооценки культурного развития личности, негативное отношение к порокам, аморальному поведению.

Смех может иметь и негативное значение, которое возникает за счёт повтора существительного *Gelächter* и когнитивных процессов *Ich sah bereits den Portier der “Traube” vor Binding salutieren, ich sah helle, warme, gepflegte Räume, Zigarettengewölk und elegante Leute, ich hörte Musik und Gelächter, Gelächter über mich* [там же, S. 93]. В приведённом примере реализуется интенсивность и объём смеха, а также глубина переживаний, сопряжённая с заниженной самооценкой. На формирование негативной семантики *Gelächter* влияет рациональная оценка, обусловленная сенсорными *sah* (2), *hörte* и физическими *salutieren* глаголами, эстетическим смыслом прилагательных *helle, warme, gepflegte, elegante* и существительных *Portier, Zigarettengewölk, Leute, Musik*, а также именами собственными *“Traube”, Binding*. В семантической структуре большинства перечисленных выше прилагательных, всех существительных и имён собственных произошли изменения: цвет *helle*, температура *warme*, чистота *gepflegte*, род занятий *Portier*, тучи дыма дорогого табака *Zigarettengewölk*, публика *Leute*, искусство *Musik*, дорогостоящая гостиница *“Traube”*, олигарх *Binding*, ассоциируются с жизненными благами, уровнем обеспеченной жизни, элитарным статусом, престижем, рангом и воспринимаются как недоступные радости и наслаждения. Именно фрустрация – «специфическое эмоциональное состояние, связанное с наличием преград в достижении человеком цели» [Кириленко 2007, с. 132] – является активатором негатива в слове *Gelächter*.

Негативную степень проявления смеха – хохот – зафиксировано в словосочетаниях со структурной схемой Adj + N: 1) *Sie brach in ein schallendes Gelächter aus* [Remarque 1991, S. 87]; 2) *Ein zuckersüßes Lächeln gefror jäh auf ihrem Gesicht; verblüfft starrte sie auf den verlegenen Georgie. Ich brach in ein herzloses Gelächter aus* [там же, S. 93]. В каждом из данных случаев доминирует семантика первого компонента или прилагательного, содержащая в себе негативную архисему ‘звон’ (*schallendes*) или негативные потенциальные семы ‘мёртвый’, ‘безчувственный’, ‘зоологический’ (*herzloses*). Приведённые семы транспортируются в существительное *Gelächter* и в процессе метафоризации оказывают негативное влияние на его позитивную семантику. То есть исследуемые прилагательные можно считать интенсификаторами по отношению к анализируемому существительному.

Активатором хохота в первом примере является соотношение знаний о духовной и эротической любви *“Sag mal, Rosa, was hältst du eigentlich von der Liebe?” fragte ich. “Du verstehst doch was davon.”* [там же, S. 87]. Духовная любовь характеризуется как эстетическое *wunderbar* и когнитивное *wahnsinnig* явление в человеческой жизни, эротическая – как репродуктивная функция *“schaff dir ein Kind an”* и чувственный процесс *“Da hast du was zum Lieben.”* [там же]. Во втором примере хохот возникает за счёт чрезмерного любопытства к личной жизни других людей и разочарования от ожидаемого.

Таким образом, противоречия между стилями любви как комплексами взглядов и установок, когнитивный диссонанс могут стать механизмами громкого хохота. При этом культура поведения дифференцируется гендерно и социально, что объясняется через одну из функций мозга – программирование, «реализация которого зависит от условий индивидуального развития» [Орбан-Лембрик 2004, с. 306].

Отметим, что социальный статус детерминирует мимику верхней части лица (глаза) и ориентирует на негативную ирреальность *Rosa sah an mir vorüber, als wären wir todfremd* [Remarque 1991, S. 90], истинные же чувства охватывают нижнюю и верхнюю части лица, представляют эмоциональный и аксиологический позитив в культурном формате *Und wahrhaftig – ich traute meinen Blicken nicht –, da stand sie, und anstatt gründlich eingeschnappt zu sein, zuckte es um ihren Mund, ihre Augen flimmerten, und dann lachte sie, herzlich und unbekümmert, sie lachte mich einfach aus* [там же, S. 91]. Если женщина смеётся при виде растерянного мужчины, значит, она понимает неадекватность, нелепость его поведения *Ich*

starrte sie an. "Na ja...", sagte ich dann, "immerhin" – und bekam auf einmal Sinn für die Situation – "Sie finden mich wohl etwas idiotisch, was?" // Sie **lachte** [там же].

Неудачный комплимент обслуживает вызывая у неё адекватную экспрессию, ассоциируется с негативными ощущениями от общения со счастливым человеком и воспринимается как «вкус» недовольства "Sie sind ein süßes Kind", sagte ich, denn hatte Lust, etwas Gutes zu tun. // Sie machte ein Gesicht, als hätte sie Essig getrunken [Remarque 1991, S. 93]. В свою очередь, неправильная установка на контакт или сближение с другими людьми способствует трансформации пигментации кожи лица "Komm, Georgie, fressen", sagte ich. // Er sah auf. Sein blasses Gesicht rötete sich. "Hab' keinen Hunger." [там же]. В границах контекста пейоратив *fressen* оказывает влияние на колоратив *rötete sich* и актуализирует в нём семантику эмоции стыда. Стыдливый румянец, как утверждает К. Э. Изард, является результатом «расширения капилляров кожи лица под действием вегетативной нервной системы и наполнения их кровью» [Изард 2008, с. 344]. Проявления стыда в приведённом примере свидетельствует не только о социальном неблагополучии Георга, но и о мучительном осознании своей неумелости, беспомощности, неспособности заработать на хлеб. Отмечается значимая отрицательная корреляция между вербальной активностью *sagte* – «сказал» и зрительным контактом *sah auf* – «посмотрел вверх», между изменением направления взгляда «снизу вверх» и физическим состоянием *Sein blasses Gesicht* – «Его бледное лицо», между переживанием стыда *rötete sich* – «покраснел» и вербальным эмоциональным поведением "Hab' keinen Hunger." – «Не голоден».

Сложность переживания стыда иллюстрирует следующий контекст "Selbstverständlich", erklärte Ferdinand, "der Schmuck Ihrer Gattin wird mitgemalt. Am besten ist, Sie bringen ihn mir einmal für eine Stunde her, damit er möglichst naturgetreu wird." // Der Bäcker wurde rot. "Ich habe ihn nicht mehr da. Er ist – ich habe ihn bei Verwandten." [Remarque 1991, S. 119]. Любопытно отметить, что пекарь затрудняется признаться самому себе, что наряду с печалью – смерть жены – "War eine gute Frau", fuhr er fort, "eine Seele von Frau" он переживает вину "Nie verlangte sie was. Zehn Jahre lang hat sie denselben Mantel getragen. Blusen und so was schneiderte sie sich alles selbst." [там же, S. 117] и стыд *wurde rot*. По описанию признаков стыда можно понять, что он не является мимикой в полном смысле этого слова, зависит от условий ситуации, объекта эмоционального состояния, межличностных отношений. Похоже, что стыд служит регулятором социальной жизни, идентификатором социализации и одновременно эмоциональной зрелости личности.

Касательно мимики верхней части лица, то она представлена многогранно: от спокойного *ruhig* до пристального *starrte*, вверх направленного *schaute auf*, волюнтаристического *Schaut her!*, взволнованного *aufgeregt*, враждебного *feindseligen*, скользкого *streiften*, тайного *verstohlen*, неподвижного *starr*, подмигивающего *blinzelte zu*, одобрительного *aner kennenden*, сострадательного *mitleidig*, ищущего поддержки *hilfesuchend*, косящего *schielte an*, быстрого *raschen, rasch*, обстоятельного *eingehend*, осторожного *vorsichtig*, испуганного *ängstlich*, перепуганного *erschreckt*, животного *unmenschlich entsetzt*, подтверждающего *nickte mit den Augen*, озлобленного *gereizt*, ненавидящего *gehässigen*, горящего *funkelte*, внимательного *aufmerksam*, прищуренного *blinzelte in die Sonne*, обожающего *anbetend*, отцовского *mit väterlichem Stolz*, задорного *herausfordernd*, молчаливого *schweigend*, задумчивого *nachdenklich*, озадаченного *verblüfft, verduzt*, удивленного *erstaunt, überrascht, verwundert*, превосходящего *überlegen*, пытливого *forschend*, улыбающегося *lächelnd*, древнего, мудрого *mit uraltem, wissendem Blick*, любопытного и холодного *neugierig und kalt*, отсутствующего *abweisend*, недоверчивого *ungläubig*, провинившегося *einen Blick wie ein verprügelter Hund*, странного *sonderbar, eigentümlich*, неподвижного *unbewegt*, сердитого *ärgerlich*, счастливого *selig*, гордого *stolz*, сумасшедшего *irrsinnigen*, умоляющего *flehentlichen*, испытующего *prüfend*, непереносимого *nicht ertragen* взгляда, сияния *strahlten, funkelden*, вытарашенных от удивления *Mit großen Augen, fielen vor Erstaunen fast die Augen aus dem Kopf*, затуманенных *wurden dunkel*, растерянных *ratlosen*, покрасневших *rotgeränderten*, выпученных *glotzte*, сверлящих темноту *bohren sich in das*

Dunkel, ослеплённых *geblendeten*, плачущих *weinte*, влажных *feuchte*, спящих *geschlossenen*, неприродных *zu groß*, бегающих *gingen unruhig hin und her*, измученных *gequälten*, распахнутых *weit offenen*, уставших *müde*, прищуренных *machte die Augen klein*, пожирающих *fraß mit den Augen*, ухмыляющихся *In seinen Augen lag ein Grinsen*, помутневших от злости *und ich spürte plötzlich roten Qualm im Gehirn und in den Augen*, мигающих *zwinkerte mit den Augen*, огромных и безмолвных *sehr große und stille Augen*, перепуганных *mit entsetzten Augen*, *mit der Angst in den Augen*, сияющих, счастливых *strahlende, glückliche*, полусонных *halbgeschlossenen*, застывших *glassige*, глупых *dumme*, суживающихся *Seine Augen verengten sich*, беспокойных *unruhige*, лихорадочных *fiebrige*, блестящих *Ihre Augen leuchteten*, мучительных *Qualvolle*, окаменелых *starre* глаз. Согласно приведённым примерам можно выделить **позитивные, негативные, нейтральные, амбивалентные и неопределённые эмоции**. К **позитивным** относятся словоформы *schaute auf, blinzelte zu, anerkennenden, mitleidig, hilfesuchend, eingehend, vorsichtig, aufmerksam, anbetend, herausfordernd, nachdenklich, strahlten, funkelten, erstaunt, überrascht, verwundert, forschend, lächelnd, selig, stolz*, словосочетания *nickte mit den Augen, mit väterlichem Stolz, Mit großen Augen, weit offenen, zwinkerte mit den Augen, strahlende, glückliche, mit uraltem, wissendem Blick* и синтаксические конструкции *fielen vor Erstaunen fast die Augen aus dem Kopf, Ihre Augen leuchteten*. **Негативные** охватывают лексемы *starrte, Schaut her!, aufgeregt, feindseligen, streiften, verstoßen, starr, schielte an, raschen, rasch, ängstlich, erschreckt, gereizt, funkelte, verblüfft, verduzt, ratlosen, rotgeränderten, glotzte, geblendeten, weinte, feuchte, gequälten, müde, überlegen, abweisend, ungläubig, ärgerlich, gehässigen, irrsinnigen, flehentlichen*, словосочетания *unmenschlich entsetzt, blinzelte in die Sonne, wurden dunkel, bohren sich in das Dunkel, zu groß, gingen unruhig hin und her, machte die Augen klein, fraß mit den Augen, mit entsetzten Augen, mit der Angst in den Augen, einen Blick wie ein verprügelter Hund, glassige, dumme, unruhige, fiebrige, nicht ertragen, Qualvolle, starre* и предложения *In seinen Augen lag ein Grinsen; und ich spürte plötzlich roten Qualm im Gehirn und in den Augen; Seine Augen verengten sich*. **Нейтральные** эмоции представлены более скромно, нежели негативные или позитивные *ruhig, schweigend, geschlossenen, halbgeschlossenen, unbewegt, sehr große und stille Augen*. В структуре **амбивалентных** эмоций обнаруживается сочетание позитива и негатива одновременно: *neugierig und kalt*. **Неопределённые** эмоции выражены контекстуальными наречиями *eigentümlich, prüfend, sonderbar*.

Доминирование негативных наименований мимики глаз свидетельствует об исследовательской активности персонажами окружающего мира, их возбуждённом состоянии, неумении контролировать свои мысли и своё невербальное эмоциональное поведение, а также о необходимости дальнейшей работы персонажей над собой.

Выводы. Анализируемая лексика имеет высокую степень актуализации в художественной речи, адекватна изображаемой ситуации, характеризуется индивидуально-авторскими ассоциациями и художественным переосмыслением. Прослеживается формально два подхода к восприятию невербального эмоционального поведения: авторский и персонажный. Авторское можно соотнести с целостным и детальным видением образа того или иного персонажа в коммуникативном акте. Персонажное осознаётся как «сиеминутное» (ситуативное) или коммуникативно мотивированное.

Дальнейшие **перспективы** изучения наименований мимики лица как информанта эмоций видятся нами в привлечении других произведений Э. М. Ремарка, как например, “Im Westen nichts Neues”, “Der Weg zurück”, “Der schwarze Obelisk” или “Die Nacht von Lissabon”, что, на наш взгляд, будет способствовать более полной реконструкции языковой картины мира писателя в целом и мимики выражения лица его персонажей в частности.

Литература

1. Бойко В. В. Психоэнергетика / В. В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с.
2. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб.: Питер, 2008. – 464 с.
3. Кириленко Т. С. Психологія: емоційна сфера особистості / Т. С. Кириленко. – К.: Либідь, 2007. – 256 с.
4. Орбан-Лембрик Л. Е. Соціальна психологія: У 2 Кн. Кн. 1: Соціальна психологія особистості і спілкування / Л. Е. Орбан-Лембрик. – К.: Либідь, 2004. – 576 с.

5. *Remarque E. M. Drei Kameraden / E. M. Remarque.* – Stuttgart: Metzler Verl., 1991. – 398 S.
6. *Wahrig Wörterbuch der deutschen Sprache / [von R. Wahrig-Burfeind].* – München: dtv, 2012. – 1152 S.